

парламентах, после чего партия собственной законопроектной деятельностью может выдвигать конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства, тем самым реализуя и собственные конституционные цели.

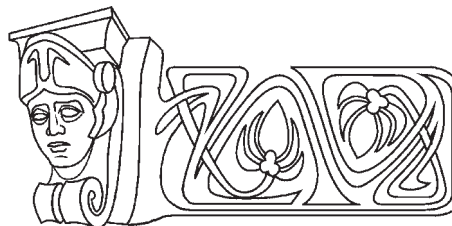
Примечания

- 1 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 763.
- 2 См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 96.
- 3 См.: Ладенко И.С. Логика целевого управления. Новосибирск, 1988. С. 6.
- 4 Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С. 391.
- 5 Комментарий к Конституции Российской Федерации / Общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 66.

- 6 Федеральный закон «О политических партиях в РФ». М., 2001. Гл. I. Ст.9. П.3. С.24.
- 7 Предвыборная программа политической партии «Единая Россия». «План Путина – достойное будущее великой страны». Принята VIII съездом Всероссийской политической партии «Единая Россия» 1 октября 2007 г. // Рос. газ. 2007. 9 нояб. С.14.
- 8 Предвыборная программа политической партии КПРФ. За власть трудового народа. Утверждена XII съездом КПРФ 1 октября 2007г. // Рос. газ. 2007. 9 нояб. С.12.
- 9 Программа ЛДПР. М., 2006. С. 31.
- 10 Устав политической партии «Либерально-демократическая партия России». Принят на XVII съезде ЛДПР 13 декабря 2005 года. М., 2006. С. 11.
- 11 Предвыборная программа политической партии «Справедливая Россия»: Родина. Пенсионеры. Жизнь. Доверие во имя будущего (Социалистический выбор для России XXI века). Принята II съездом политической партии «Справедливая Россия» 23 сентября 2007 г. // Рос. газ. 2007. 14 нояб. С.18.

УДК 32.130.3

КРИТИКА УЧАСТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: FilatovNN@info.sgu.ru

В статье анализируются противоречия в структуре критики участия административно-политических элит в демократических преобразованиях этапа «перестройки». Рассмотрены особенности методологии этой критики и особенности теоретической аргументации.

The Critics Aimed to the Participation of Administrative Political Elites in Democratic Process: the Peculiarities of the Begging Stage

N.N. Filatov

The article is devoted to the analysis of the contradictions in a structure of critics aimed to the participation of administrative political elites in democratic changes during "Perestroika". The peculiarities of the methodology of this critics and the theoretical argumentation are considered.

В любом обществе, особенно демократическом, господствующие политические и административные элиты всегда подвергаются критике. Такая критика является нормальным составным элементом процесса формирования в обществе демократической политической

культуры. По ходу критики своих элит общество осознает себя самостоятельным субъектом демократических отношений, верифицирует свои традиционные этические нормы, уточняет свои представления о дозволенных и недозволенных стратегиях поведения индивидов и групп в экономической и правовой сферах. Можно сказать так, что в ходе критики элит общество переосмысливает многие элементы своей стратегии и тактики развития. Речь, конечно, не идет о существовании некоей высшей, «абсолютной» (в гегелевском смысле) программы общественно-политического прогресса, которую общество «познает» посредством критики своих элит и благодаря этому приобретает историчность и перспективу прогресса. Просто всегда политические, культурные и экономические интересы граждан настолько разнообразны, что их необходимо перевести в формат общественного интереса, представления о том, что хорошо и что плохо для общества в целом и каждого гражданина в отдельности. Только в этом случае общество перестает быть арифметической суммой индивидов и соединение людей образует некое новое качество – то, что называют социальностью.

А для такого форматирования объективно необходимы внутренние (вытекающие из пе-

реосмысленного опыта самого общественного общежития) и внешние (вытекающие из опыта взаимодействия с государственной властью и различными элитарными группами) ограничения в виде научного или обыденного знания о политике, о ее субъектах. Эти ограничения создаются, с одной стороны, научной и публицистической критикой основ «народной жизни», свойств национальной ментальности, вплоть до бытовых традиций и предрассудков. С другой стороны, верхние, так сказать, пределы возможностей общества развиваться в соответствии со своими интересами и представлениями о «правде» и «справедливости» определяются критикой элит. В структуре критики обнаруживаются и обозначаются те препятствия, которые общество не может преодолеть, или, точнее, может преодолеть только на путях либо сотрудничества, либо борьбы с господствующими элитами. В этом смысле критика элит представляет собой процедуру общественного самопознания.

Критика элит в ракурсе их экономических, политических и культурных характеристик обладает, таким образом, свойством индикатора, по которому можно судить о потенциях общественного организма к прогрессу, о существовании в массовом и научном сознании неких стратегических и тактических расчетов относительно перспектив движения вперед. Это своеобразный показатель творческой активности и политической конструктивности (или деструктивности) политического сознания современных обществ.

В годы демократических реформ критика элит осуществлялась по ряду достаточно устойчивых направлений, анализ которых дает представление о том, каково было общественное видение стратегии и тактики демократических реформ и общественное видение места элит в этом процессе.

Критику участия российских элит в демократическом реформаторском процессе, ее остроту и тематику, смысловые нюансы претензий к элитам со стороны общественности нельзя, безусловно, понять, не приняв во внимание факт неудачности либо незавершенности большинства инициатив отечественных элит по демократизации различных сторон российской общественной и государственной жизни, начало которым положила «перестройка». В качестве предмета политологического анализа проблема стимулов и ограничений реформаторской деятельности отечественных административно-политических элит обозначилась уже в конце 80-х – начале 90-х гг.

На общий подход к этой проблеме со всей очевидностью повлияла советская традиция научного и идеологического позиционирования отношений между советскими гражданами и советскими управленцами. Критика бюрократии разворачивалась в русле переосмысления

ленинских взглядов на природу и проблемы бюрократизации административных и политических отношений, на роль партии как кузницы элитарных кадров.. Суть претензий, предъявляемых элитам на этом начальном этапе демократического процесса, сводилась к тому, что они не знают и не хотят знать и применять на практике те нормы политических и административных отношений, которые были обоснованы в ленинской концепции строительства Советского государства. Причина усматривалась в том, что элиты как бы разделены на две страты: на тех, кто рассматривает свои административные и политические полномочия как обязанность, возложенную на них обществом и коммунистической партией, и тех, для кого полномочия лишь инструмент достижения собственного успеха и благосостояния.

Показательна в этом плане позиция Р.И. Хасбулатова, изложенная им в монографии, названием для которой послужила ленинская фраза: «Бюрократия тоже наш враг ...». Эта позиция и общая структура авторской аргументации (от апологетики ленинских высказываний, через анализ сталинских «искажений» ленинских замыслов к выводу, что без победы над бюрократией общественный прогресс вперед не двинется) весьма типичны для научной и публицистической аналитики завершающего этапа «перестройки». «Ведь перестройку, – утверждал Р.И. Хасбулатов, – в определенном смысле можно назвать антибюрократической революцией»¹. Интересы элит, конфликтующие с интересами значительной массы рядовых граждан при помощи такой интерпретации феномена «бюрократизма», выводились за пределы основного пространства властно-общественных отношений. Они, эти элитарные интересы, становились, таким образом, важным предметом политологического анализа, но предметом обособленным от прочей проблематики элитарно-общественных отношений. Предметом, что важно для понимания специфики критики демократического участия элит в те годы, изучение которого не может принципиально изменить представление о лидерском назначении советских элит в процессе совершенствования практики и теории строительства социализма в нашей стране.

Такой теоретический подход подразумевал, что положительные качества отечественных административно-политических элит являются их сущностными качествами, органичными положительными качествами советского общества, а бюрократизм и другие негативные проявления элитарной функциональности, все это преходяще, это не заложено в самой системе советских общественно-элитарных отношений. «Бюрократия, – рассуждал Р.И. Хасбулатов, – начинает произрастать с потерей аппаратом содержательной стороны своей деятельности. Социализм, вообще говоря, впервые в истории

цивилизации дает возможность резко сократить проявления бюрократизма, максимально использовать государственный аппарат во имя созидательных целей»². Тем самым дезактуализировалась проблема специфичности интересов и форм участия элит в демократическом процессе, проблема их особенности в отношении общественных интересов. Элитарно-общественный консенсус в деле демократизации общественной и государственной жизни приобретал черты той объективной реальности, которая просто заслонена от взглядов общества проявлениями бюрократизма.

Необходимо, правда, сделать одно уточнение. Утверждение, что проблема специфичности интереса участия элит в демократическом процессе «дезактуализировалась» таким теоретическим подходом, не следует понимать так, что тот же Р.И. Хасбулатов и другие политические аналитики той поры не замечали очевидного факта: интересы элит всегда отличны от интересов массы рядовых граждан. Речь идет о дезактуализации этой проблемы именно для политической науки, поскольку сфера элитарных интересов априорно определялась как «трудно-контролируемая» и «иррациональная».

Такой теоретический ракурс направлял массовое и научное сознание на восприятие проявлений «бюрократизма» в процессе демократического участия отечественных элит как «болезни» советской политической системы, подлежащей лечению хорошими законами, воспитанием элитарных кадров, повышением политической культуры рядовых граждан и активной разъяснительной работой научного сообщества. Квинтэссенцией этих представлений стала концептуализация в трудах отечественных публицистов, политологов и историков идеи доведения над советским обществом «административной системы», подлежащей безусловному уничтожению.

По сути, именно эта программа «лечения» социалистического общества от бюрократизма, как наследия прошлых эпох, была воспроизведена на этапе либерально-демократических преобразований уже в качестве программы «лечения» современного российского общества от «наследственных болезней» советского прошлого.

Сама идея, что бюрократизм есть «болезнь» советской системы, обостряющаяся и подлежащая лечению при помощи «перестройки», в известном смысле возвращала отечественную политическую мысль к тем рубежам, которые были обозначены европейской политической мыслью еще в начале Нового времени³. Это идея, восходящая еще к политическим трудам Т. Гоббса и нашедшая законченную философскую формулировку в творчестве Г.-Ф. Гегеля. Сама по себе эта идея, что элита болеет бюрократизмом и ее можно от этого вылечить демо-

кратизацией общественно-политической жизни, обладает, если обратиться к европейскому опыту реформ и революций последних двух столетий, значительной социально-мобилизующей силой. Но именно такой настрой массового сознания, осуществленный научной критикой элитарных политических и административных практик, в определенный момент порождает идейный кризис: общество обнаруживает, что казалось бы уже окончательно вылеченные и готовые к участию в демократическом процессе элиты заболели бюрократизмом вновь и вновь.

Логика выхода из этой идейной ситуации также воспроизводила уже апробированную методологию анализа. Вместо изучения всего современного многообразия обстоятельств, заставляющих российские элиты⁴ расширенно воспроизводиться в бюрократическом формате, научная мысль направлялась в историческое русло. Показательна в этом смысле следующая сентенция Р.И. Хасбулатова: «Чтобы лечить – а Ленин неоднократно говорил именно о необходимости излечения общества от этого «опасного врага», – надо знать первопричину болезни. ... Ныне, когда ... мы сталкиваемся со значительным ухудшением материального и социального положения малообеспеченных слоев народа, печально и тревожно видеть попытки увязать эти трудности с развитием демократических процессов»⁵.

Для отечественных гуманитарных наук всегда естественным и продуктивным был исторический подход к анализу политических явлений и процессов. Такой подход подсказывал сам масштаб российской политической истории и богатство ее фактуры. Но в данном случае политическому анализу задавалось недостаточно продуктивное, на наш взгляд, направление. Проблемы в отношениях элит и общества по вопросу стратегии и тактики демократических преобразований очевидным образом мистифицировались. Они либо рассматривались в контексте тех или иных «исконных», а потому непреодолимых традиций общественной и государственной жизни, либо в них видели порождение «российской ментальности». В самой программе «лечения» элит от «бюрократизма» при помощи демократизации образовывался логический парадокс: «лечить» элиты надо, но история подсказывает, что вылечить их нельзя. Этот парадокс преодолевался тем, что проблема естественного конфликта интересов элит и граждан в демократизирующемся обществе увязывалась с представлением о мистической силе социалистической идеи и государства, ориентирующегося в своем развитии на эту идею. «В государстве, – рассуждает, например, Р.И. Хасбулатов, – существует огромное множество пострадавших частных (индивидуальных интересов), но оно не может ради них аннулировать или изменить свои общие принципы

управления – на то оно и государство. Речь, правда, идет в этом случае о буржуазном государстве. В социалистическом же государстве положение может и должно быть другим»⁶. Правда, тут же выяснялось, что положение объективно не может быть другим, поскольку бюрократизация практик административно-политических элит, невозможность для элит реализовать свой потенциал демократической культуры, даже если он имеется, порождается естественными потребностями распределения властных полномочий и ответственности между различными группами господствующей элиты. «В большинстве своем, – читаем у Р.И. Хасбулатова, – соратники Ленина были высокообразованными, образованными, с ярко выраженным интеллектом людьми. Но они не могли подменить функции руководителей десятков, сотен подчиненных им учреждений и организаций, лично контролировать подбор кадров. Работа эта поручалась помощникам – лицам уже менее образованным, менее проверенным в деле. Те в свою очередь могли подбирать в руководимые ими подразделения порой людей не только совершенно неграмотных, не подготовленных для работы, но и враждебно настроенных по отношению к новой власти»⁷.

Все научное рассуждение построено на достаточно тривиальной логике – во всем, что случилось в сталинские времена и после с советской демократией и демократическим потенциалом коммунистической элиты, виноват «стрелочник», даже не сама элита, а, скорее, полу-элита, то есть само общество. Но в контексте тех обстоятельств, при которых на завершающем этапе перестройки разворачивалась критика участия советских элит в демократическом процессе, логика этого рассуждения приобретала актуальный политический смысл. Получалось, что неудачи первых экспериментов по совместному участию общества и административно-политических элит в демократическом процессе и сама «болезнь бюрократизации» элит – все это порождение массовой российской политической культуры. А элита, особенно ее верхний эшелон, обладающий необходимыми знаниями и навыками, здесь собственно ни при чем.

Невозможность для этой высшей страты отечественной административно-политической элиты выполнить роль руководителя демократических преобразований увязывалась с объективным, исторически возникшим дисбалансом в распределении управленческих и политических функций между советами и партийными структурами, с гипертрофированной ролью коммунистической партии и ее структур в решении всех общественных, государственных и частных проблем. Корень нефункциональности элит виделся в функциональной подмене партийными структурами советских органов

власти. Как писал один из корреспондентов журнала «Коммунист»: «В цивилизованных, демократических странах интересы всего народа призвано реализовывать государство. У нас с этой функцией должны справляться Советы. Недавно Верховный Совет в одной из газет назвали социальным зеркалом общества. Вот пусть это зеркало и отражает совокупность интересов советского народа. Богу – богово, кесарю – кесарево. Интересы народа – Советам, интересы рабочего класса – партии»⁸.

Тут же, правда, в критике «партийного застоя», не дающего элите активно включиться в демократический процесс, обнаружился еще один парадокс: существующая система партийного руководства политическим процессом отдавала наиболее реальные рычаги воздействия на политическую, культурную и экономическую жизнь, какими только обладала советская система, именно в руки этой наиболее интеллектуально и профессионально «продвинутой» части элиты. «Кого мы обычно выбирали? – патетически восклицает Р.И. Хасбулатов по поводу состава депутатского корпуса в советское время. – Всех секретарей райкомов партии и выше по иерархии, всех председателей Советов, их замов, «завов» отделами, начиная от районного уровня и выше. Всех более или менее крупных должностных лиц. Всех министров. Директоров заводов и объединений. Всех маршалов. Академиков (уже не всех) космонавтов, некоторых писателей, композиторов»⁹.

Качество элиты, судя по представленному списку должностей и профессиональных компетенций, вполне достаточное для того, чтобы этот высший эшелон административно-политической элиты, поддержанный еще и верхним эшелоном культурной элиты, мог выполнить функцию лидера демократического процесса и преодолеть болезнь бюрократизации. Перед вопросом о том, почему элита, обладающая, если ориентироваться на формальные статусные показатели, реальными возможностями для преобразующего действия, не действует, предпочитает бюрократические процедуры демократическим, критика элит перестроечной поры остановилась. Возможно потому, что в структуре самих элит, в верхних их эшелонах в том числе, начались активные ротации, породившие в научном сообществе надежду, что проблема активности элит в демократическом процессе, не получившая удовлетворительного теоретического разрешения, разрешится самой практикой уже либеральных реформ. Критический анализ политического участия российских элит стал разворачиваться в русле выявления либеральной составляющей их политической культуры, ценностных ориентаций, совместимых с либеральной и рыночной парадигмами российских реформ.

Примечания

- ¹ Хасбулатов Р.И. «Бюрократия тоже наш враг...». Социализм и бюрократия. М., 1989. С.9.
- ² Там же. С.8.
- ³ См.: Волков Ю.К. Идея «болезней» и «смерти» общества и государства в истории философской и социологической мысли // Философия и общество. М., 2005. №1(38). С. 50–64.
- ⁴ И не только российские, потому что критика бюрократизации элитарных политических и административных

практик стала в XX столетии одной из центральных линий в том анализе либерально-демократических систем и процедур, который дали в своих трудах, например, Л. фон Мизес и М. Вебер.

- ⁵ Хасбулатов Р.И. Указ. соч. С.9.
- ⁶ Там же. С. 23.
- ⁷ Там же. С.33.
- ⁸ Линьков И. «Классовость ставит все на свои места» // Коммунист: Теорет. и полит. журн. ЦК КПСС. 1990. №3. С.9.
- ⁹ Хасбулатов Р.И. Указ. соч. С.77.

УДК 343.1

ИСТИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ю.В. Францифоров

Саратовский государственный университет,
кафедра основ права
E-mail: jurid@info.sgu.ru

В статье исследуется проблема установления истины в уголовном судопроизводстве. Автор видит в объективной истине не только цель, но и средство процесса доказывания по уголовному делу.

The Truth in the Criminal Proceeding

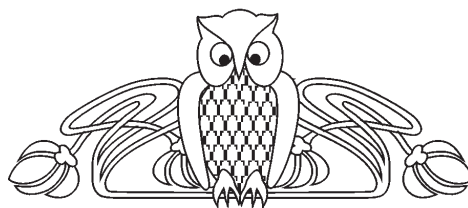
Y.V. Franciforov

In the article the problem of the truth establishment in the criminal proceeding is investigated. The author treats the truth not only as a goal, but as means of proving procedure in criminal case.

Процессуальный характер истины, диалектика абсолютных и относительных, субъективных и объективных ее элементов приводят нас к проблеме оценки истинного или ложного знания в уголовном судопроизводстве.

По мнению Й. Элеза, критерий истины следует искать не внутри системы знания, поскольку для нахождения такого критерия нужен в свою очередь другой критерий и так до бесконечности, а вне системы знания: в общественно-исторической и в научно-экспериментальной практике человека¹. В то же время понимание истины, рассматриваемой как ряд результатов процесса познания, не имеет ничего общего с пониманием истины как процесса, который представляет собой знание действительно целого. Истина – это процесс, потому что она находит себя не в сложении составляющих, выпадающих из процесса познания, а в самом этом процессе, превращающем результаты познания в свою движущую силу.

Таким образом, в установлении истины видится процесс открытия скрытого, который состоит в признании существования и независимости скрытого от исследователя, в признании человеческого фактора в расширении сферы открытого,

а также законов диалектики для отражения этой деятельности.

С точки зрения диалектики абсолютной и относительной истины развитие действительности и расширение познавательной деятельности содержат противоположные тенденции, поскольку пределы наших знаний то раздвигаются, то сужаются, так как имеется противоречие между нашими возможностями познать действительность и стремлением действительности уйти от этого, делая наши знания менее полными или даже превращая их в заблуждение. Противоречие это появляется и разрешается в ходе познавательной, практической деятельности человека, которая предполагает не только стремление мысли к действительности, но и стремление действительности к мысли. Нельзя противопоставлять, либо рассматривать обособленно такие определения истины, как «соответствие знания предмету» и «соответствия предмета своему понятию», поскольку «понимание истины, согласно которому только мысль должна соответствовать действительности, не требуя от действительности подниматься до той своей формы, в которой она наиболее соответствует своему понятию, может видеть в единстве теории и практики одно лишь приспособление теории к практике, а не возвышение практики, действительности до ее истины, выраженной в теории, оно хотело бы сделать теорию практичной, не делая при этом практику теоретической»².

Следует согласиться с тем, что действительное бытие предмета не может полностью соответствовать своей сущности, как и наличные отношения не соответствуют своему понятию из-за имеющегося между ними несоответствия, которое может быть преодолимо при различных, в том числе социальных, преобразованиях, т.е.